

Василий Вонлярлярский

Турист

Василий Вонлярлярский

Турист

«Public Domain»

Вонлярлярский В. А.

Турист / В. А. Вонлярлярский — «Public Domain»,

«Приехать в Рим и не сделаться артистом так же трудно молодому русскому путешественнику, как, бывало, в старые годы трудно французу, приехавшему в Москву, не сделаться учителем или по крайней мере виконтом. По прибытии в Рим русский путешественник приобретает краски, палитру, кисти, белую войлочную шляпу с широкими полями и на дверях своей квартиры наклеивает бумажку с лаконической надписью: «Pittore Russo». На другой же день преобразования, часу в девятом утра, у двери его непременно раздастся звонок, и на вопрос артиста-самозванца: «Кто там?» – женский голос ответит: «Una modela, signor», и артист с улыбкою отопрет дверь, и чрез пять минут копия модели начнет принимать на холсте вид бог знает чего. Заметьте притом, что русские путешественники, поступая на артистическое поприще и не имея ни малейшего понятия о рисовании, предпочитают преимущественно исторический род, то есть самый трудный из всех родов живописи...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	11
-----------------------------------	----

Василий Вонлярлярский Турист

Приехать в Рим и не сделаться артистом так же трудно молодому русскому путешественнику, как, бывало, в старые годы трудно французу, приехавшему в Москву, не сделаться учителем или по крайней мере виконтом. По прибытии в Рим русский путешественник приобретает краски, палитру, кисти, белую войлочную шляпу с широкими полями и на дверях своей квартиры наклеивает бумажку с лаконической надписью: «Pittore Russo».¹ На другой же день преобразования, часу в девятом утра, у двери его непременно раздастся звонок, и на вопрос артиста-самозванца: «Кто там?» – женский голос ответит: «Una modela, signor»,² и артист³ с улыбкою отперет дверь, и чрез пять минут копия модели начнет принимать на холсте вид бог знает чего. Заметьте притом, что русские путешественники, поступая на артистическое поприще и не имея ни малейшего понятия о рисовании, предпочитают преимущественно исторический род, то есть самый трудный из всех родов живописи.

Находясь в Риме, я, правда, был не совсем молодым человеком, но все-таки в качестве русского путешественника не отстал от соотечественников и, на третий день по прибытии своем в вечный город, возвращался уже на квартиру свою с большим запасом гипсовых голов, рук, ног, и пр. и пр., добытых мною за весьма сходную цену в какой-то лавочке, но вдруг... о несчастье! на углу Корсо и Лаурино огромная черная собака попала с разбега под ноги итальянцам, несшим гипсовый запас мой, и все собрание форм разбилось вдребезги! Я был в отчаянии. Хозяин собаки, человек средних лет с белокурою бородкою и одетый очень пестро, извинился передо мною на чистом французском наречии, попросил снабдить его моим адресом и обещался доставить точно такое же количество вещей, какого лишила меня собака.

Я взглянул на пестрого господина, призвал на помощь свои воспоминания, которые удостоверяли меня, что лицо его когда-то и где-то мне встречалось; моя наружность, по-видимому, произвела на него то же действие, и почти в одно время мы назвали друг друга по имени.

– Какими судьбами вы здесь? – воскликнул он, – и как я рад...

– Очень просто, cher monsieur David.⁴

– He David, а Crosel к услугам вашим, – заметил француз.

– Давно ли?

– С тех пор, как соотечественник ваш, у которого я, помните, учил детей латыни, вследствие небольшого недоразумения сказал мне: «Monsieur David, faites graisser lesroues de vorte voiture et filez...»⁵

– А в чем состояло маленькое недоразумение?

– В том, что латынь, мною преподаваемая, показалась более похожа на марсельский patois,⁶ чем на настоящую латынь! Я и сам постичь не могу, как мог я так ошибиться; но как бы то ни было, имя Давида потеряло весь кредит в губернии; а имея в запасе другое имя, я предпочел называться им.

– И прекрасно сделали.

¹ «Русский художник» (ит.).

² Это натурщица, синьор (ит.).

³ Артист – здесь: художник, живописец.

⁴ дорогой господин Давид (фр.).

⁵ Мсье Давид, смажьте колеса вашего экипажа и катите-ка... (фр.)

⁶ говор, наречие (фр.).

– Как же не хорошо, сами посудите! Mr. Crosel значило – новый француз, только что выпущенный первым из Политехнической школы⁷, следовательно, обладающий бездной учености; и в Ecaterinoslavl такое сокровище e'est trois tzelkovy le cachet...⁸

– И посчастливилось вам в Екатеринославле?

– Да, покуда не прибыл какой-то inspecteur des hautes écoles...⁹ Но в сторону эти мелочи! Встретить вас для меня такая радость, такое счастье... Надолго ли вы здесь?

– Не знаю.

– А на что вам вся эта дрянь?

– Гипсовые формы?

– Ну да.

– Я занимаюсь скульптурою.

– Право?

– Не шутя.

...– Ну, так завтра же я пришлю вам целого человека.

– От души благодарю.

– Человека с ногами, головою и такими шишками на голове, каких вы, конечно, не встречали никогда... по системе Галля, прелесть что за череп!

– Гризель... так, кажется?..

– Не Гризель, а Крозель.

– Да, Крозель. Вы тот же, что были?

– О нет, далеко не тот! – со вздохом отвечал француз, – сколько несчастий перенес, сколько неудач!..

– Вы расскажете мне их?

– Разумеется.

– И я поохочу?

– Вдоволь, ручаюсь! Но мне недосуг; дайте адрес, и до свиданья.

– Куда же вы?

– Догонять милорда.

– Какого милорда?

– Того самого, форму которого пришлю вам. Он не изящен, предупреждаю; но череп чудо, просто чудо! – С этим словом Крозель пожал мне руку, дал слово непременно быть у меня завтра и, позвав собаку свою, пустился бегом вдоль Корсо¹⁰.

«Что за шут!» – подумал я и, не имея ни малейшего желания приобрести обещанные формы, я уговорил своих итальянцев возвратиться со мною в лавочку. По прошествии часа с новым запасом достиг я благополучно квартиры и провел весь вечер в приятнейшем far niente,¹¹ то есть лежа на диване с кистью винограда в одной руке и сигарою в другой.

С наступлением ночи весь артистический Рим переносится обыкновенно на Монте-Пиннчи и виллу Боргезе¹². С Монте-Пиннчи¹³ вид очарователен: весь город со всеми окрестностями как бы нарисован на золоте; а как хорош Колизей, как велик храм Петра! и даже мутный Тибр принимает перламутровый цвет, когда смотришь на него с высоты. А дворец Монте-

⁷ Политехническая школа – привилегированное высшее учебное заведение во Франции.

⁸ в Екатеринославле... три целковых за урок... (фр.)

⁹ инспектор высших учебных заведений (фр.).

¹⁰ Корсо – центральная улица Рима.

¹¹ ничегонеделанье, безделье (ит.).

¹² Вилла Боргезе – парк на северной окраине Рима.

¹³ Монте-Пиннчи – холм на северной окраине Рима, с разбитым на его вершине парком.

Кавалло¹⁴, а колонна Адриана¹⁵ и вся древняя часть города!.. Но кто же не восхищался этим громадным свидетелем былого величия, этою гробницею древних квиритов¹⁶?

В час пополуночи город, по обыкновению, опустел, и я, по обыкновению же, возвращался с прогулки, толчком ноги приводил в чувства слугу своего Доминика, который, по своему обыкновению, бросаясь спросонья на первый попавшийся ему предмет и хватался за что ни попало. Нередко, бросаясь на столы, Доминик опрокидывал стоявшую на них посуду или другие вещи, и тогда в честь сонного итальянца я высыпал все итальянские бранные фразы, какие только знал. Signer Dominico поставлял себе в обязанность поправлять ошибки, если таковые оказывались в моей речи, и тем оканчивались все незабвенные дни, проведенные мною в Риме.

На следующее утро два фактора¹⁷ внесли в студию мою такое диво, какого действительно не вмещал ни один кабинет редкостей. Француз сдержал слово и отформировал для меня человеческий остов с головою, ногами, носом и прочими частями; но откуда добыл Крозель подобный образец несовершенств – вот вопрос, который я обещал себе разрешить и разрешить немедленно.

Крозель не мог не знать, что в два часа пополудни на Испанской площади¹⁸ в Café de l'Europe¹⁹ выставляют для приманки посетителей превкусные пирожки с неопределенным фаршем; а знать, что подобные пирожки существуют, и не есть их – невозможно. И действительно, входя в два часа в Café de l'Europe, я застал француза с пирогом во рту.

– Скажите, пожалуйста, кому я обязан теми вещами, которые прислали вы мне сегодня утром? – спросил я у Крозеля.

– То есть гипсовыми оттисками?

– Ну да.

– Во-первых, мне, потом милорду, – пресерьезно отвечал француз.

– Да что это за милорд? скажите ради бога.

– Его отрекомендовал мне один из приятелей моих в Висбадене. Ему, то есть приятелю, посчастливилось выиграть в рулетку пятьдесят тысяч франков. Человек он одинокий – довольно с него пока; а если есть деньги, кому же охота возиться с милордом.

– Все-таки не понимаю.

– Да длинная история; расскажу, пожалуй, на досуге.

– Почему же не сейчас?

– Неловко.

– Пойдем ко мне.

– Нельзя.

– Знаете ли что, Крозель? Вы более нравились мне преподавателем марсельского patois, чем компаньоном вашего милорда.

– Но ведь неудачи и несчастья страх как действуют на натуру человека.

– А я, напротив того, думаю, что слишком большие удачи делают людей менее любезными.

¹⁴ *Дворец Монте-Кавалло* – имеется в виду Квиринальский дворец, бывший в описываемое время летней резиденцией папы.

¹⁵ *Колонна Адриана* – вероятно, имеется в виду увенчанный столбом с фигурой ангела мавзолей римского императора Адриана (76–138 н. э.) и его потомков (другое название: замок св. Ангела). Может быть, впрочем, писатель оговорился, имея в виду колонну римского императора Траяна (53–117), воздвигнутую около 114 года.

¹⁶ *Квириты* – так в древности именовались полноправные римские граждане.

¹⁷ *Фактор* – профессиональный исполнитель разнообразных мелких поручений.

¹⁸ *Испанская площадь* расположена в северной части Рима. Здесь «и в прилегающих к ней улицах гнездятся приезжие иностранцы» (Греч. Н. И. Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии, т. 3, СПб., 1843, с. 21).

¹⁹ кафе «Европейское» (фр.).

– Во всяком случае, не в отношении к вам, – сказал Крозель, улыбаясь, – а в доказательство назначьте день, час, минуту, пожалуй, и не будь я Крозель, если не явлюсь к вам.

– Постойте! Я предпочел бы другого рода клятву, а то, чего доброго, вы перемените и в третий раз собственное имя и все-таки не явитесь!

– Ну, ну... не будь я честный... или нет, этого мало, пусть лишусь моего милорда... достаточно ли вам?

– Вот этак чуть ли не лучше будет.

Мы, смеясь, пожали друг другу руки, отложили свиданье до следующего вечера у меня на квартире и расстались друзьями.

Не только история милорда, но и самые неудачи Крозеля очень интересовали меня, и потому я с большим нетерпением ожидал назначенного свидания.

На следующее утро пробуждение мое было не совсем приятно: на дворе был нестерпимый жар, а в комнате сидел некто вроде уездного антиквария – оба утомили меня донельзя. Русский любитель древностей являлся ко мне только что не с восходом солнца и, разумеется, за делом: он показывал добытые им драгоценности и такие, которые я, может быть, а Доминик – непременно, выбросил бы за окно.

– Не разбудил ли я вас? – повторял обыкновенно двадцать раз антикварий, пока наконец совершенно пробужденный, я не отвечал ему: «нет». В это утро знакомый вопрос явственно долетел до моего слуха, и обычное «нет» завязало разговор.

– А я уж часов шесть как на ногах, – продолжал он. – А сколько обегал!

– Право?

– Прямо с Монте-Мария²⁰.

– Гм!

– И не без добычи.

– Что ж приобрели?

– Вещицу...

– Редкую?

– Веков двадцать назад не была редкостью, правда; зато теперь...

– Покажите.

– За тем и пришел.

Иван Петрович Сочин (так звали антиквария) вынул из шляпы фуляр, из фуляра²¹ сверток бумаги, а из бумаги заржавелую медную лампу с носиком.

– Ба, знакомая!

– По описаниям как не быть знакомой? Например, в «Собрании Древностей»... есть оно у вас?

– Нет.

– Купите; занимательная книга с печатными изображениями, отчетливо...

– Случится, куплю; а что дали за эту лампочку?

– Отгадайте.

– Не знаю.

– Ну, примерно?

– Право, не знаю, что она стоит здесь.

– Два пиастра; дорого?

– В окрестностях Неаполя дешевле.

– Где же это в окрестностях Неаполя?

²⁰ Монте-Мария (правильнее: Марио) – возвышенность в северо-западной части Рима (от Монте Пинчио – на другом берегу Тибра).

²¹ Фуляр – легкая и мягкая шелковая ткань.

- В Пуцоло, например.
- Стало, находят и там.
- Зачем находить? Там их делают.
- Что делают?
- Всякого рода древности, и за такую лампу дайте карлино²² – отдадут с радостью.
- Ну, уж извините, чтоб эта была сделана, не поверю.
- Как хотите.
- Сейчас видно, что древность и что свежая вещь; этим проведут ребенка разве!
- Или антиквария.
- Я не антикварий.
- Так любитель антиков.
- Что ж из этого?
- Только то, что ручаюсь чем угодно за юность большей части добытых вами древностей.
- Вы проиграете.
- Не думаю.
- Да уж я вам говорю, проиграете.
- Все-таки не думаю.
- Ну, ну, какое пари?
- С моей стороны, две, а хотите, три дюжины точно таких ламп, как эта, и по экземпляру всех медалей, купленных вами здесь.
- Ведь только жаль вас, а то бы...
- Не жалеите, пожалуйста.
- Я честный человек, извольте видеть, и таких пари не держу...
- Напрасно.
- Напрасно? А где бы, например, взяли вы дубликаты медалей?
- Хотите знать?
- Хотел бы.
- Ничего нет легче, – отвечал я с уверенностью, которая заметно смутила Ивана Петровича, – но если Доминик чрез час принесет медали, уступите ли вы лучшую вещь из вашей коллекции?
- Сребреник²³?
- О, нет!
- Так окаменелый глаз кита?
- И не глаз кита.
- Что ж?
- Фунт Жуковского табаку²⁴.

Едва я произнес свое скромное требование, как антикварий схватил шляпу, трость и выбежал из комнаты, не удостоив меня ни одним словом. Иван Петрович был очень разгневан еще более потому, что, казалось, в сердце его запала искра сомнения.

По уходе его я вздохнул свободнее. Будь он истинный любитель древностей, конечно, я не позволил бы себе разочаровывать его и охотно набавил бы лет хоть по тысяче на каждый добытый им антик.

Он ушел, а я стал лепить из глины бюст Доминика. К обеденному часу вместо бюста вышел вздор, и, возвратив глине первобытный вид ее, я пообедал наскоро, наелся винограду и лег отдохнуть в ожидании Крозеля. В семь часов Крозель явился.

²² *Карлино* (карлин) – монета, равная 40,2 копейки серебром.

²³ *Сребреник* – древняя мелкая серебряная монета.

²⁴ *Жуковский табак* – изготовленный на петербургской табачной фабрике В. Г. Жукова.

– Какова аккуратность? – воскликнул он. – Я обещался быть в семь; взгляните: семь без пяти минут; эти пять минут я хотел было простоять на лестнице. Есть сигара?..

– Есть все, что угодно, – отвечал я, усаживая Крозеля на кушетку и пододвигая к нему несколько сигарных ящиков.

– Чем же мне выкупить такое роскошное угощение?

– Разумеется, рассказом.

– Про милорда?

– И прежде всего про себя.

– А вы станете смеяться?

– Только над серьезными несчастиями.

– Жестокосердный!

– Как быть!

– Суди же вас небо! Делать нечего: обещал – надо выполнить.

– Надеюсь!

– С чего ж начать?

– Говорю, с вас самих.

– Неужели с самого начала?

– С минуты рождения.

– Будь по-вашему, – сказал Крозель.

Он перевел дух; я пододвинул кресло к кушетке и приготовился слушать.

– Отец мой, – начал француз, – родом из Дижона и журналист, по свойствам сердца страстный любитель прекрасного пола, женился в молодости на дочери суконного фабриканта. На двадцать втором году от рождения я лишился отца и наследовал право издавать отцовский журнал, и первая статья, сочиненная мною с большими усилиями, не имела, как говорили, здравого смысла: ее осмеяли завистливые сотоварищи, и из двух тысяч подписчиков осталось к концу года только четверо – очень немного! Я предпочел драматическое поприще и написал в бенефис претерогательную пьесу. Я сидел в оркестре, и в начале пьесы зрители смотрели на меня с любопытством, в середине – пьесу освистали, а в конце увенчали голову мою не лаврами, а печеными яблоками и выгнали вон. Оставался в ресурсе – латинский язык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.